

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Поздравляем юбиляра!

ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ АРШИНОВУ – 70!

**Журнал «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ» сердечно поздравляет
с юбилеем Владимира Ивановича АРШИНОВА,
желает крепкого здоровья и дальнейших творческих свершений!**

Владимир Иванович Аршинов – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии РАН, один из основоположников российской научной школы философии самоорганизации, переводчик, редактор и комментатор работ М. Полани, И. Пригожина, Ф. Варелы, У. Матураны, Г. Хакена, один из организаторов работы Московского международного синергетического форума.

Предлагаем вниманию читателей интервью с В.И. Аршиновым, данное им В.В. Тарасенко, старшему научному сотруднику сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН специально для журнала «Философские науки».

КОНСТРУКТИВНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ

– Владимир Иванович, первый вопрос – традиционный для философа – как Вы дошли до жизни такой, как стали философом, что повлияло на Ваше становление?

– Начну с того, что я не получил базового философского образования, так как окончил Московский физико-технический институт. Московский физтех – явление уникальное. Опыт его создания и развития нами до конца не осмыслен – особенно в контексте современных проблем инновационного развития нашей страны.

Мы вообще склонны больше обращать внимание на вещи, которые у нас не работают или работают плохо, и мало обращаем внимание на те конструктивные силы и проекты, которые есть в нашем арсенале.

Московский физтех – это несомненный позитивный опыт формирования образовательной структуры. Неслучайно выпускники физтеха до сих пор пользуются спросом в глобальной научно-исследовательской сети. «Отцам-основателям» физтеха удалось за очень короткий срок вырастить плеяду блестящих ученых, целые

научные школы, сформировать увлекательную атмосферу научного поиска, атмосферу причастности к важным и необходимым делам. Повторюсь, это уникальное явление — в российской, да пожалуй, и мировой науке. Напомню, кстати, что нобелевские лауреаты 2011 года по физике — выпускники физтеха.

Меня лично физтех притягивал и притягивает тем, что там много людей, глядя на которых создается впечатление, что они понимают что-то важное, что-то глубинное. Вот это, наверное и есть первый порыв, первый росток философии, который я обозначил бы как «тайну понимания» или начало осознания проблемы понимания. Философия для меня началась тогда, когда я начал пытаться понять понимание.

В какой-то момент я понял, что это две разные задачи. С одной стороны — я, как профессиональный физик-экспериментатор, ставлю свои эксперименты, предлагаю свое понимание закономерностей, природных связей. С другой стороны, я как философ удивляюсь возможности этого самого понимания. Вот такое «субъект-объектное» разделение внутри одной личности получается.

Все это не тривиально, когда ты получаешь опыт этого переживания, встречаешься (случайно или не случайно) с людьми, событиями, книгами, которые начинают тебя подчинять, самоорганизовывать логику твоего личностного роста.

— *Какого рода встречи для Вас оказались судьбоносными?*

— Лично для меня первая встреча с философией произошла после прочтения «Логико-философского трактата» Людвиг Витгенштейна. Кто-то забыл в физтеховской аудитории эту книгу, и я открыл ее и начал изучать. Вы, наверное знаете, что это очень необычная книга. Ее структура напоминает некий паттерн или узор, даже гештальт — который тебе не сразу открывается, не сразу понятен, не сразу распознается. И эта жажда отчетливого понимания становится проблемой.

Вот тут еще один — лично для меня, маркер философии — наличие проблемы. По сути это — философская проблема. Во-первых, ты понимаешь, что есть проблема. Во-вторых, ты понимаешь, что ничего в ней не понимаешь. В-третьих, есть человек, который, наверное, что-то понимает, разбирается, но ты его тоже не понимаешь. Мы тут видим связку проблем самопонимания и понимания другого как разные аспекты единой проблемы коммуникации смысла.

Но я возвращусь к Витгенштейну. Вы, наверное, знаете его знаменитый афоризм — последнюю фразу трактата: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». В общем-то, для меня тоже, как оказалось позже, судьбоносная фраза. Философия, как известно, находится на границе понимания и непонимания, которая отнюдь

не тождественна границе разговора и молчания. Если это так, то есть молчаливое знание, знание и понимание, о котором – по словам Витгенштейна – «невозможно говорить». В этом месте можно перебросить мостик к М. Полани, его концепции неявного знания, которой я активно интересовался в 70 годах прошлого века.

В нашей философской традиции «неявное знание» часто связывается с чем-то мистическим – есть налет таинственности. Хотя, на мой взгляд, ничего мистического тут нет. Многие наши навыки – например, навык езды на велосипеде, являются настоящим неявным знанием. Хотя, с другой стороны – само мистическое знание по определению – неявное знание. В научном сообществе, в его коммуникациях очень много неявного знания – того, что остается за порогом библиотек, выносится за скобки отчетов о научных исследованиях. Но без этих навыков, умений, неосознанных коммуникативных образцов наука – как искусство понимания окружающего нас мира – не может быть наукой. И в этой точке хотелось бы привести наши размышления к тому, что волнует меня сейчас.

– *Имеете в виду интерес к конструктивизму и конструктивной философии?*

– Конечно. Эта программа, на мой взгляд, подразумевает, с одной стороны, возврат нашего мышления к той развилке, у истоков которой стоит Декарт, а с другой стороны – движение по другой тропинке – не по пути Декарта. Возврат нужен для осознания возможности движения естественнонаучного познания по новым путям.

– *То есть?*

– Декарт, различая две свои знаменитые субстанции (протяженную и мыслящую), не оставил нам места для сознания в рамках естественнонаучного осмысления мира. Мыслящую субстанцию приходится внешним, искусственным образом добавлять к природе (протяженной субстанции). В этом смысле у Декарта не познавательный дуализм, а разрыв – брешь в познании. Нужна единая трансдисциплинарная программа преодоления разрыва. Надо найти место сознанию. По сути это программа синергичной конвергенции естественнонаучного и гуманитарного знаний. Я считаю, что это преодоление может быть только конструктивным – через формирование коммуникаций, через коммуникацию о том, как создавать коммуникации. Этот конструктивизм и есть то, что я называю коммуникацией второго порядка – коммуникацией коммуникации. И я убежден в том, что современная конструктивистская парадигма должна сочетаться с преодолением дуализма Декарта.

– *Наука Декарта в некотором смысле оппонировала представлениям о мистическом присутствии сознания в мире, мистическому ощущению мира: разум отдельно от протяженной материи. Не является ли тезис*

о преодолении декартовского разрыва возвратом к пантеизму или мистицизму — додекартовскому стилю мышления?

— Я сторонник того, что любое понимание требует некоторой технологически аранжированной медитации. Вы можете называть это интуитивностью, мистицизмом — как угодно, но суть не в этом. Суть в том, что говоря о науке, о познании, мы не должны эту медитацию отрицать, отбрасывать ее. По сути, эта медитация — феномен непроявленного знания, доверяя к знанию, которое само по себе не является понятийно оформленным знанием. Говоря о «технологической аранжировке», я имею в виду гуманитарные технологии. В качестве примера сошлюсь на свой опыт понимания комплексных чисел или исчисления форм. Мы постепенно вводим в мышление новые сущности. И это, с одной стороны, медитативный акт, а с другой — коммуникация второго порядка — конструктивная практика.

Мы должны вернуться в точку декартовской бифуркации, размышлять вместе с ним и указать новые возможности конструирования понимания. Я бы не сказал, что мы должны вернуться к додекартовскому стилю мышления, хотя бы потому, что мы не знаем, что это такое. Развилка (или бифуркация) в точке возврата к Декарту состоит в рекурсии и преодолении двузначности — как в декартовском дуализме, так и в двузначной логике Аристотеля. Мы вводим новые сущности в мышление рекурсивно и для того, чтобы отойти от двузначной логики Аристотеля.

Многие конструктивно определяемые сущности в математике (к примеру — исчисление форм Спенсера Брауна) — рекурсивны. Это работа с меняющимися, осциллирующими (самоподобными) формами и рекурсиями. Говоря метафорически, рекурсия действует на семиотический вакуум. У нас есть пустота, а в ней (неким оператором) мы различаем внешнее и внутреннее. Процесс закольцовывается, становится рекурсивным. Возникает процедура порождения понимания. Спенсер Браун, кстати, был инженером — специалистом по релейным схемам.

Мир сложен. Эта сложность одновременно создается нами и открывается в нем. Чтобы нам не запутаться в этой сложности, нужны операторы осознания нашей деятельности в нем.

Рекурсии — по сути, это осознаваемые операторы, которые воздействуют на реальность и вводят наблюдателя сложности.

Если принять во внимание то, что рекурсия (согласно фон Ферстеру) — это коммуникация, то это не просто рекурсивный стиль мышления, это *коммуникативный* стиль мышления. Отсюда очевидна необходимость обсуждения проблем коммуникации второго порядка в контексте философской рефлексии, новой постнеклассической рациональности Степина. И это новый тип

мышления – в чем-то подобный мистическому опыту медитации, опыту самореференции, рекурсивного обращения к себе.

– *Правильно ли я понимаю, что это – в том числе – и научный стиль мышления?*

– Конечно, и в этом смысле это постнеклассическое преодоление развилки Декарта.

– *А может ли Ваш подход объяснить «вавилонский синдром» современной науки – столпотворение школ, неспособность (или нежелание) цитировать достижения коллег, смешение дисциплин и направлений?*

– В некотором смысле. Занимаясь творческим наследием работ Ильи Пригожина в области самоорганизации, я часто нахожу статьи в схожих областях, авторы которых ведут себя так, как будто бы ни Пригожина, ни его работ не существует. Наука в некотором смысле – рынок конкурирующих идей и концепций.

– *То есть некие бренды, личности, научные школы, которые борются за выживание?*

– Есть борьба идей, борьба параметров порядка, упорядочивающих разные дисциплинарные дискурсы. И есть междисциплинарный код – способ конвертации. Есть общая валюта...

– *Наличие или отсутствие общей коммуникации и метакоммуникации?*

– Конечно. И мы еще тайну коммуникации не разгадали. Коммуникация для меня – это субъект-объектное и субъект-субъектное единство. Единство, которое формируется в процессе становления общего смыслового пространства. И это не локальный, а космический феномен. Для меня коммуникация – это единство имманентного и трансцендентного.

– *Иными словами, то, что люди договариваются, свидетельствует о наличии сверхсознания?*

– Конечно.

– *А как же синергетика с идеей внутренней самоорганизации?*

– Синергетика, для меня, говорит о том, что параметры порядка – это коммуникативные каналы, или интерфейсы. Синергетика – это попытка понять мир, исходя из понимания того, что мы находимся в мире. Это влечет идею сложности как становящегося синергетического процесса. И тут еще раз возникает проблема понимания сложности – уже как проблема сложностного субъекта.

– *Вы имеете в виду нашу включенность в эту «машину понимания»?*

– Именно. Включенность в актах наблюдения. Акт наблюдения – это акт конструирования сложности. Мы конструируем процессуальный гештальт, порождаемый совокупностью актов наблюдения и одновременно направляемый им. Тем самым акт наблюдения, понимаемый как процесс, это всегда двойной акт сознания и самосознания.

Развитие науки, исходя из этого, — это не только различение субъекта и объекта. Там еще много интересного. Туда нужно еще добавить медиаторы — объекты-посредники (интерфейсы и среды), связанные с нашим сознанием и практиками понимания. Я и ввожу их через рекурсивные коммуникативные операторы.

— *А религиозные практики? Молитвы — это ведь тоже медиаторы, обмена легитимными социализированными эмоциями. Налимов писал о спонтанности сознания. Говоря о конструировании, не вводим ли мы элемент механистичности в мышление, уходя от спонтанности в сторону предписанных ритуалов — социальных операторов и социальных практик?*

— Что имеется в виду под механистичностью? Если повторяемость, то в этом я не вижу механистичности. В том-то и дело, что если повторяемость понимается в рекурсивном смысле, то она всегда контингентна — имеет элемент случайности и неполной повторимости. В этом ничего страшного нет. Кстати, так самоконструируется социальный порядок. На этом построена концепция интерактивных ритуалов Р. Коллинза, которая применима как к религии, так и к анализу философии, научных и инженерных практик.

Скажу немного провокационно — инженерное, конструктивное мышление оказывается в этом смысле более продуктивным, чем фундаментальная наука. Именно вокруг инженерного мышления формируются и социальные практики, и наука, и наша способность мыслить конструктивно и коммуникативно.

Да, в самом инженерном мышлении есть цикличность и своеобразная психоделика. Под психоделикой я имею в виду сильную увлеченность, некоторую «сдвинутость», «фанатизм» творца.

Настоящее мышление (и научное в том числе) — оно психоделично, но говорить об этом как-то неприлично. В этой психоделике есть присутствие человека. В осознанном, методологическом признании психоделичности состоит гуманитаризация научного знания. Фактически это гностицизм — как окультуренный медитативный опыт коммуникативных практик и ритуалов научного сообщества. Ничего страшного и даже экзотического в этом нет.

Нам надо научиться мыслить креативными циклами, это значит — ходить кругами, возвращаясь заново к истокам, медитируя и осознавая изначальный смысл проблем, с которыми мы встречаемся.

В заключение хочу отметить, что мы конструируем мир. Но конструируем его не только как субъекты и не только как создатели объектов, но и как психоделические танцоры, иногда осознающие себя в медитативном танце непрерывных изменений в сложностном мире.